

УДК 821.161.2 – 1.09

СВЕТЛАНА ВОРОБЬЕВА

(Полтава)

ТЕМА РЕВОЛЮЦИИ В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

Ключові слова: революція, революційний пафос, мотив, бунтарська поезія.

В предреволюционное десятилетие в литературу входит поколение молодых поэтов, выходцев из крестьянской среды. Выходят книги стихов С. Клычкова, сборники Н. Клюева, начинают печататься А. Ширяевец и П. Орешин. В 1916 г. выходит сборник стихов Сергея Есенина «Радуница». Эти поэты были встречены литературной критикой как посланцы новой русской деревни, выразители ее поэтического самосознания. Отношение крестьянских поэтов к национальным истокам было сложным, противоречивым, во многом обусловленным сложными обстоятельствами русской социальной жизни и идейной борьбой предреволюционного десятилетия. В этих условиях первые публикации стихов Николая Клюева и появление поэта в литературных кружках и собраниях сразу же вызвали сочувственные отклики либеральной и декадентской критики, которая усмотрела в его творчестве выражение стихийно-религиозных начал народного сознания, глубин национального духа [1, с. 179].

Цель нашей статьи – исследование темы революции в поэзии Николая Клюева. Главная цель определила ряд заданий: изучить творчество Николая Алексеевича Клюева; выделить из всего творческого наследия поэта стихотворения, в которых отобразились революционные взгляды автора; проанализировать революционный пафос поэта; раскрыть мотив революции в поэзии Н. Клюева.

Творчество Н. Клюева начало исследоваться сравнительно недавно. Из значительных работ, появившихся в 1990-е годы, выделяются книги К. Азадовского «Николай Клюев: Путь поэта», Н. Солнцевой «Китежский павлин», Е.И. Марковой «Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства», а также ряд статей известных исследователей клюевского творчества – Л. Киселёвой, Е. Марковой, А. Михайлова, С. Семёновой и С. Субботина.

В поэзии Н. Клюева нашли отражение особенности крестьянского миропонимания, наивность крестьянской массы, ее патриархальные настроения, желание уйти от мира. Мотивы народного гнева и горя, прозвучавшие в ранних стихах Н. Клюева в 1905-1906 гг. («Народное горе», «Где вы, порывы кипучие»), исполненных демократических настроений, сменяются мотивами, заимствованными из религиозной старообрядческой книжности, духовных стихов. Н. Клюев резко противопоставляет современному «миру железа» патриархальную деревенскую «глухомань», идеализирует старую деревню, ее «избяной» быт с расписными ендавами, бахромчатыми платами селян, лаковыми праздничными саями.

Стихотворения второй книги Н. Клюева «Братские песни» (1912) построены на мотивах и образах, взятых из духовных песнопений. Это песни, сочиненные для «братьев по духу». В бытописи Н. Клюева нет примет реальной жизни новой деревни, разбуженной революцией 1905 г., общественных помыслов и дум русского послереволюционного крестьянства. Описания деревенского быта, народных обрядов, обычаев, мифологические мотивы, часто развернутые в тему целого стихотворения, – все это существует в его поэзии как бы вне современности. Защита национальных начал народной жизни от наступающей на Россию бездушной «железной» городской культуры оборачивается у Н. Клюева защитой «дремучих» вековых устоев, древнего религиозного миропонимания, в конечном счете – неприятием социального прогресса:

*...Чует древесная сила,
Провидя судьбу наперед,
Что скоро железная жила
Ей хвойную ризу прошьет.
Зовут эту жилу чугушкой, –
С ней лихо и гибель во мгле... [2, с.24].*

По стилю и художественной образности стихотворения Н. Клюева этого периода близки духовным песням.

В третьей главе «Песни о Великой Матери» («Гнездо третье») повествуется о событиях 1914-1916 годов: о Великой войне (то есть Первой мировой) и убийстве Григория Распутина. В начальных двух частях главы действует эпизодическое лицо: призванный в армию из лопарских мест «лебеденок» Алеша. За русскую картинную статью («королевич Бова!») его отправляют на службу в Царское Село. Н. Клюев, рассчитывавший, вероятно, сделать «птенца» Алешу главным героем «третьего гнезда» (сам поэт по нездоровью был освобожден от военной службы), все-таки не решается доверить ему совершить важнейший сюжетный ход – провести идейный поединок с Распутиным:

*Слишком тяжкая выпала ноша
За нечистым брести через гать.
Чтобы смог лебеденок Алеша
Бородатую русскую лошадь
Полудетской рукой обуздать! [3, с. 44].*

В стихотворении поэта это имя встречается довольно часто («Меня Распутиным назвали...» и др.). По свидетельству самого Н. Клюева, он был с ним знаком лично, они неоднократно встречались, но отношения их складывались непросто. Спор Н. Клюева с Григорием – и в жизни, и в 3-й главе поэмы – имел не только личный, но и философский, и нравственно-религиозный подтекст. Г. Распутин являлся, как и Н. Клюев, одним из лидеров русского раскола, вождем духовных христиан, так называемых «хлыстов-староверов». Как свидетельствуют современники, Г. Распутин обладал философским складом мышления, тонким политическим чутьем и, согласно своим убеждениям, проводил последовательно христианско-демократическую линию, целью которой была реформа православной церкви. Все это в определенной степени соответствовало потребностям крестьянской массы.

В Царском Н. Клюев впервые увидел Николая II:

*Свершилось. Семужный,
Поречный, хвойный, избяной,
Я повстречался въявь с судьбой
России – матери матерой,
И слезы застилали взоры... [2, с.33].*

Любовь к царю и страх за его будущее, а значит, и за будущее России приводит поэта к мысли о ликвидации Распутина. Фантастическим образом Н. Клюев и С. Есенин оказываются свидетелями последних минут жизни Григория Распутина. Клюев выносит ему свой неумолимый приговор:

*России, ранами обильной,
Ты прободал живую печень,
Но не тебе поставит свечи
Лошкарь, кудрявый гребнедел!
Есть дивный образ, ризой бел,
С горящим сердцем, солнцеликий... [2, с. 70].*

Может показаться, что поэт придает этому событию слишком большое значение. Увы, убийство ближайшего советника императора в конце декабря 1916 года стало поворотным пунктом в истории Российского государства и российского народа.

Мотив богооставленности развит в «Песни о Великой Матери» сильнее и трагичнее, чем во всех предыдущих произведениях Н. Клюева. Неспособность на религиозный подвиг – основной упрек автора своему народу, не дающему больше Евпатия Коловрата. Этот образ связан с мотивом нового ханского ига:

*О Русь, о песенная мати,
Ты плачешь роем горьких ос
И речкой, парусом берёз
Ещё вздыхаешь на закате,
Но позабыл о Коловрате
Твой костромич и белоросс [3, с. 37].*

Н. Клюев считает, что Россией овладел Дьявол и «народ развенчанный» идёт за ним: «близки, знать, адские врата» [3, с. 187]. Кибитка, в которой ездил на поклон к старцу-схимнику девушка Параша, теперь отождествляется с гоголевским образом Руси-тройки, но уже во власти темной силы: «Везёт не дядя Евстигней / В собольей шубоньке Парашу – / Стада ночных нетопырей / Запряжены в кибитку нашу...» [2, с. 138]. Так в творчестве поэта проявляется метафизика зла, космический план революции. Православное царство исчезло с поверхности земли, и силы ада пришли в мир, утверждает Н. Клюев.

Поэма построена как исповедь-воспоминание, и в ней дано личное осмысление русского Апокалипсиса. Послереволюционную действительность Н. Клюев воспринимал как Апокалипсис. На допросе в 1934 году он показал: «Я воспринимаю коллективизацию с мистическим ужасом, как бесовское наваждение» [1, с. 180].

«Песнь о Великой Матери» – это причитание по убиваемой родине. В ней, по сравнению с предыдущими поэмами, усилен мотив покаяния, ведь она и строится как исповедь:

*Родимое, прости, прости!
Я, пёс, сосал твои молоки
И страстотерпных гроздий соки
Исторгнул желчью при пути [3, с. 103].*

В «Песне о Великой Матери» воссоздана атмосфера уже укрепившегося ига. Исповедующийся герой мысленно обходит, облетает родную землю. Основа «Погорельщины» – подтекстовая параллель между насильственным никонианством и насильственным отлучением от веры, в «Песне...» же всё сказано прямо, в ней преобладает мотив «отлетает Русь». Умирая, она уносит загадку её самобытности.

В «Сновидениях» Н. Клюева есть запись «Сон аспидный» (1923 г.): «Взят я под стражу... В тюрьме сижу ... А сторож тюремный, жалеючи меня, говорит: «За то, что в дневнике царя Николая II ты обозначен. Теперь уж никакая бумага не поможет!» [3, с. 140]. Поэт писал из Томска (где жил в переулке Красного пожарника), что «сгорел на своей «Погорельщине». Однако в его московском деле содержался куда более опасный материал – рукопись «Песни о Великой Матери», сочинение заведомо антисоветское по пафосу. Возможно, что в Томске поэт спрятал свои поэмы, это произошло, по-видимому, после ареста 1936 года, при котором ему пришлось симулировать слабоумие, чтобы выйти из тюрьмы. В 1937 году это уже не могло помочь: «участник монархического союза», пусть и мнимого, не мог быть оставлен в живых. Причиной трагедии стала несовместимость национального поэта с политикой денационализации России.

Н. Клюеву выпала роль завершить некоторые начинания Серебряного века, в том числе символизма. В самом деле, «мужик-символист» уже резюмировал итоги эпохи неслыханных перемен, которые символисты предчувствовали. Ему выпало закрепить символистской образностью, опираясь на условную апокалиптику соловьёвцев, суть и смысл кошмарного времени.

Поэма осталась незавершённой. В отличие от поэм А. Блока и А. Белого, посвященных революции, в ней нет мотива пришествия Христа. Н. Клюев обращается к апокалиптическим мотивам с целью раскрытия сущности современности, смысла национальной катастрофы. Однако, при всей трагедийности поэмы, пафос ее не безысходный. В произведении звучит надежда на восстановление скифско-евразийских начал русской культуры:

*Но дивен Спас! Змею копытя,
За нас, пред ханом павших ниц,
Егорий вздыбит на граните
Наследье скифских кобылиц [3, с. 87].*

На Первую мировую войну он откликнулся почти никем не понятным «Беседным наигрышем», в котором так удивительно вскрыл стародавнюю народную правду об исконной борьбе «земли» с «железом».

И на революцию отозвался он хоть немногими, но глубокими и подлинными строками. «Песнь Солнца» по глубине захвата далеко пре-

восходит все написанное до сих пор о русской революции. Ибо революция для Клюева, народно-глубинного поэта – не внешнее только явление; он переживает ее изнутри как поэт народный; за революцией политической, за революцией социальной он предчувствует и предвидит революцию духовную. Единственный путь к возрождению Руси для Н. Клюева – Вера:

*Святая Русь, мы верим, верим!
И посохи слезами мочим...
До впадин выплакать бы очи,
Иль стать подстрешным воробьем,
Но только бы с родным гнездом... [3, с. 97].*

То, что происходит в России, для Н. Клюева – часть общемировой схватки сил добра и зла, религиозный смысл этих исторических событий не вызывает сомнений.

Бунтарские мотивы поэзии Н. Клюева всегда жили в народе, в разбойничьих песнях, в раскольничьих «потаенных» стихах, в народной сатире, они уживались рядом с поэзией «старой Руси», дополняли ее контрастами. Народ всегда искал правду и восставал против тяжелой доли. Н. Клюев принял восторженно Октябрьскую революцию; более того, он вступил в партию и вел агитационную работу, активно выступал со статьями, речами, отстаивая власть Советов. Он приветствовал революцию самыми возвышенными словами, славил восставший народ, страстно мечтал о будущей счастливой жизни, которой заживет свободный крестьянин:

*Распахнитесь, орлиные крылья,
Бей, набат, и гремите, грома, –
Оборвались цепи насилья,
И разрушена жизни тюрьма!..
Пролетела над Русью Жар-птица,
Ярый гнев зажигая в груди...
Богородица наша Землица,
Вольный хлеб мужику уроди!..
Хлеб да соль, Костромич и Волынец,
Олончанин, Москвич, Сибиряк!
Наша Волюшка – божий гостинец –
Человечеству светлый маяк!
От Байкала до теплого Крыма
Расплеснется ржаной Океан...
Ослепительней риз серафима
Заревой Святогоров кафтан.
За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем на битву с врагами –
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой! [3, с.68].*

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский К. М. Личность и судьба Н. Клюева / К. М. Азадовский // Нева. – 1988. – № 12. – С. 177–188.

2. Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы / Н. А. Клюев. – М. : Мол.гвардия, 1991. – 157 с.
3. Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы / Н. А. Клюев. – М. : Русская книга, 1997. – 256 с.
4. Троцкий Л. Н. Клюев // Л. Троцкий. – М., 1991. – С. 57–62.
5. Шенталинский В. Н. Клюев : Песнь о Великой Матери / В. Шенталинский // Знамя. – 1991. – № 11. – С. 3–4.

СВЕТЛАНА ВОРОБЬЕВА

ТЕМА РЕВОЛЮЦИИ В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

В статье рассматривается тема революции в поэтическом наследии представителя новокрестьянской поэзии Николая Алексеевича Клюева. Автор статьи акцентирует внимание на революционном пафосе и бунтарских мотивах творчества поэта.

Ключевые слова: революция, революционный пафос, мотив, бунтарская поэзия.

SVETLANA VOROBIOVA

THEME OF REVOLUTION IN THE POETRY OF NIKOLAY KLJUEV

The article deals with the theme of revolution in poetical heritage of the representative of Novokrestyanskaya (New peasant) poetry Nikolay Kljuev. The author of the article focuses one's attention on the revolutionary creative impulse and rebellious motifs in poets work.

Key words: revolution, revolutionary creative impulse, motif, rebellious poetry.

Одержано 21.03.2011 р., рекомендовано до друку 25.05.2011 р.